

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Устойчивое развитие регионов

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ*

Елена Яковлевна ПАСТУХОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича,
Кемеровский государственный университет (КемГУ),
Кемерово, Российская Федерация
peau.13@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-1783>
SPIN-код: 7912-7816

История статьи:

Рег. № 612/2021
Получена 04.11.2021
Получена в
доработанном виде
23.12.2021
Одобрена 03.02.2022
Доступна онлайн
15.03.2022

УДК 338.14,
314.42-332.1
JEL: J11, R11

Ключевые слова:

избыточная
смертность,
добывающая
промышленность,
уровень безработицы,
реальные доходы
населения, уровень
бедности

Аннотация

Предмет. Демографическое и социально-экономическое развитие регионов России в период пандемии COVID-19.

Цели. Изучение влияния пандемии COVID-19 на динамику демографического, социально-экономического развития, уровня бедности в регионах Сибирского федерального округа. Сравнение экономических и демографических показателей за 2020 г. с аналогичными показателями за 2019 г.

Методология. В процессе исследования применены методы корреляционного, регрессионного анализа, а также общенаучные методы (синтез, сравнение).

Результаты. Негативная динамика демографического развития связана с усилением естественной убыли населения и значительным ростом смертности. В 2020 г. в сибирских регионах демографическая убыль возросла почти в два раза по сравнению с 2019 г. Существенный спад промышленного производства зафиксирован в регионах, специализирующихся на добыче нефти, газа, угля. Потребление платных услуг сократилось в крупных региональных центрах. Выявлены значимые факторы бедности – это высокая доля детей в численности населения региона и безработица.

Выводы. Выход из пандемического кризиса будет связан с ростом внешнего спроса на углеводороды, продукцию нефтехимической, химической и металлургической промышленности. Восстановление сервисной экономики возможно при росте доходов населения и адекватной помощи малому, среднему бизнесу со стороны федеральных и региональных властей.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Пастухова Е.Я. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие, бедность населения российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 467 – 492.
<https://doi.org/10.24891/re.20.3.467>

Введение

Пандемия COVID-19 стала самым серьезным глобальным испытанием за последние десятилетия. Новые волны пандемии, различные по масштабности и интенсивности карантинные меры привели к значительным социально-экономическим, демографическим потерям [1]. За прошедшее время пандемия оказала и продолжает оказывать серьезное отрицательное влияние на социальное, экономическое развитие, на занятость населения, на уровень реальных доходов, на случаи и риски попадания различных демографических групп в число бедных.

По данным Росстата, в целом по России за 2020 г. естественная убыль населения составила 702,1 тыс. чел.; ожидаемая продолжительность жизни снизилась на 1,8 года¹; спад промышленного производства составил 2,6%; сокращение объема добычи полезных ископаемых – 6,9%; снижение оборота розничной торговли – 3,2%; объем платных услуг населению сократился почти на 15%². Динамика реальных доходов населения составила 97,4% к уровню 2019 г. Среднероссийский уровень общей безработицы – 5,8% (в 2019 г. – 4,6%). В сентябре 2020 г. уровень зарегистрированной безработицы по сравнению с началом года вырос в 4,9 раза³.

Негативное влияние пандемического кризиса имело очень разную степень проявления в российских территориях. Для реализации адекватной социально-экономической политики очень важна корректная оценка последствий коронакризиса в его региональной проекции.

Обзор литературы

Особенности развития субъектов Российской Федерации в кризисы 2008–2009 гг., 2014–2016 гг. рассматривались в ряде научных публикаций. Основными факторами кризиса 2008–2009 гг. стали сжатие рынка сырьевых товаров, рост общей безработицы, «размывание» доходной базы региональных бюджетов [2]. В ходе кризиса 2014–2016 гг. существенно сократились инвестиции в основной капитал, снизились доходы и

^{*} Статья подготовлена при поддержке Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Федеральная служба государственной статистики. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>

³ Занятость и безработица в Российской Федерации в декабре 2020 года.
URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BCqQK9QM/zanyatost.pdf>

потребительские расходы населения, объем жилищного строительства и розничной торговли. По мнению некоторых экономистов, спад соответствующих показателей не был преодолен до конца 2019 г. [3].

Социальные, экономические, финансовые, инвестиционные проблемы, вызванные пандемией коронавируса, стали предметом анализа зарубежных и российских исследований. Авторы рассматривают фактические и прогнозируемые негативные последствия пандемии в целом для мирового сообщества [4], для различных стран. Исследователи анализируют влияние коронакризиса на мировой и российский ВВП, на добывающую и обрабатывающую промышленность [5], на рынок труда и безработицу [6], на трудовую миграцию [7], на уровень жизни населения [8].

Предметом анализа соответствующих работ стали страны и территории, отрасли национальных экономик, социально-демографические группы населения, которые сильнее всего пострадали от пандемического кризиса. По оценкам А.В. Алексеева, в пандемическом 2020 г. страны нетто-импортеры энергетического сырья выиграли; страны, сделавшие ставку на топливно-энергетический комплекс (как Россия), стратегически проиграли [9]. Серьезные демографические потери несли столицы стран [10] и крупные территориальные центры с высокой концентрацией населения [11].

Сильнее всего пострадали от коронакризиса следующие отрасли российской экономики:

- добывающая промышленность (добыча нефти, газа, угля); автомобильная промышленность;
- авиаперевозки, аэропорты, автоперевозки;
- культура, организация досуга;
- физкультурно-оздоровительная деятельность;
- туризм, гостиничный бизнес, общественное питание [12].

Многие отрасли сосредоточены в крупных городах, поэтому логично было ожидать, что городская экономика пострадает от введенных противоэпидемических мероприятий в большей степени, нежели сельская [13].

Пандемия серьезно повлияла на рост безработицы. В России с января по сентябрь 2020 г. численность зарегистрированных безработных увеличилась с 691 тыс. чел. до 3,31 млн чел. Если учесть скрытую безработицу (неоплачиваемые отпуска, прекращение деятельности самозанятых, банкротство микропредприятий) уровень безработицы может увеличиться до 30% от трудоспособного населения России [14].

В работах [15, 16] Н.В. Зубаревич и соавторы на основе динамики социально-экономических, бюджетных индикаторов анализируют влияние коронавирусного кризиса на российских территориях в его острой фазе (апрель и май 2020 г.).

Влияние пандемии на различные аспекты социально-экономического развития России изучают также ведущие аналитические центры. Специалисты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в режиме мониторинга исследовали экономические и социальные последствия коронавируса, его влияние на различные сферы жизни в России и в мире⁴. В феврале 2021 г. ученые подготовили аналитический доклад «Черный лебедь» в белой маске», в котором проанализированы эффекты пандемии для экономики, системы государственного управления, для социальной политики, демографических процессов, системы образования⁵.

Эксперты Российской академии народного хозяйства и государственной службы и Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара рассматривают обозначенные вопросы в работе «Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития»⁶. В рамках этого мониторинга рассмотрена динамика социально-экономических, бюджетных показателей, проведен обзор финансовых рынков, банковских операций.

Обзор научной литературы показал, что в большей степени ученые рассматривают влияние пандемии на национальные экономики, на состояние отдельных отраслей промышленности и сферы услуг, на рынок труда и безработицу. Изучению влияния коронакризиса на социально-экономическое (в том числе, демографическое) развитие

⁴ Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/435321684.pdf>

⁵ «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/456528716.pdf>

⁶ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития // 2020. № 26. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-26-1074.pdf>

отдельных российских регионов, на территориальную динамику бедности уделяется значительно меньше внимания. Это определило актуальность и значимость данного исследования.

Целью исследования является анализ влияния пандемии на динамику демографического, социально-экономического развития, уровня бедности на территориях Сибирского федерального округа в 2020 г. по сравнению с 2019 г., а также оценка взаимосвязи некоторых факторов (демографических, поселенческих, экономических) и основных индикаторов регионального развития.

Эмпирическая основа исследования и используемые методы

В работе использованы квартальные и годовые данные региональной статистики Росстата за 2019–2020 гг. о динамике естественного движения населения, промышленного производства, оборота розничной торговли, платных услуг, реальных доходов населения, занятости⁷, среднедушевых денежных доходов⁸. Оценка динамики уровня бедности основана на концепции абсолютной бедности.

Для оценки влияния различных факторов на динамику развития были отобраны следующие статистические показатели:

- доля населения младше и старше трудоспособного возраста;
- доля городских и сельских жителей в общей численности населения региона;
- среднедушевой денежный доход (СДД) по отношению к величине прожиточного минимума (ПМ);
- уровень занятости;
- уровень общей безработицы.

В работе применялись общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и статистические методы (описательная статистика, корреляционный, регрессионный анализ). Для расчета ранговых коэффициентов корреляции Спирмена и линейной регрессии был использован пакет прикладных программ IBM SPSS Statistics Base.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

Результаты исследования

Пандемия нанесла серьезный ущерб демографическому развитию страны и регионов, остановила процессы снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ). В 2020 г. в России впервые за последние двадцать лет естественная убыль населения составила 702,1 тыс. чел., в 2019 г. аналогичный показатель составил 317,2 тыс. чел. В Сибирском федеральном округе (СФО) естественная убыль за 2020 г. – 86,3 тыс. чел., в 2019 г. – 43,2 тыс. чел. Значимая (но не единственная) причина естественной убыли в 2020 г. – это избыточная смертность от всех причин, вызванная прямым или косвенным влиянием пандемии. Избыточная смертность – это рост числа умерших в исследуемом периоде по сравнению с численностью умерших в течение предшествующего периода.

По мнению демографов, наилучшим способом оценки избыточной смертности считается сравнение еженедельного числа умерших от всех причин на протяжении текущего года со значениями предыдущих лет [17]. В России еженедельные данные по числу умерших отсутствуют в открытом доступе. В большинстве российских регионов распространение пандемии началось в конце марта 2020 г., поэтому в данном исследовании мы сопоставляли абсолютное число умерших за апрель–декабрь 2020 г. по сравнению со смертностью за апрель–декабрь 2019 г. В целом по России избыточная смертность за указанный период составила +25,4% к уровню 2019 г. В СФО соответствующий показатель равен +23,1%. Статистические индикаторы, характеризующие динамику демографических процессов в регионах СФО, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. представлены в *табл. 1*.

В 2020 г. только на двух сибирских территориях (Тыва, Горный Алтай) благодаря высокой рождаемости и относительно низкой избыточной смертности зафиксирован естественный прирост населения. Во всех остальных регионах СФО отмечена естественная убыль населения. Наиболее высокие показатели демографической убыли в расчете на 1 000 чел. населения зафиксированы на территориях с высоким удельным весом граждан старших возрастов – в Алтайском крае, Кемеровской, Омской и Новосибирской областях. Основные причины естественной убыли следующие:

- серьезный прирост смертности в апреле–декабре 2020 г., обусловленный влиянием пандемии;
- высокая доля стареющего населения в возрастной структуре;

– вступление в репродуктивный возраст малочисленного поколения, рожденного в начале 90-х гг. XX в., которое по объективным причинам не может компенсировать уходящее многочисленное послевоенное поколение.

В 2020 г. среди сибирских регионов антилидерами по избыточной смертности стали Омская (+30%), Новосибирская (+29%), Томская области (+28%) и Алтайский край (+24%). Избыточная смертность положительно коррелирует с высоким показателем денежных доходов населения (коэффициент Спирмена 0,844) и уровнем занятости (0,607), а также с возрастающей долей граждан старших возрастов (0,534) в структуре населения региона. Названные характеристики наиболее типичны для крупных сибирских городов (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул) с высоким пассажиропотоком, достаточно высокой концентрацией населения. COVID-19 распространяется быстрее и масштабнее в больших по численности городах с высокой подвижностью населения.

Избыточная смертность отрицательно коррелирует с высокой долей детей (–0,745) в возрастной структуре региона и с возросшим уровнем общей безработицы (–0,471). Дети по сравнению с пожилыми людьми заболевали ковидом реже, или болезнь у них протекала без тяжелых последствий. Рост безработицы снижал подвижность населения, а это способствовало уменьшению числа контактов между людьми. Данные характеристики свойственны слаборазвитым регионам СФО (Тыва, Горный Алтай, Хакасия) с низким уровнем реальных доходов, с традиционно более высокой общей безработицей.

Избыточная смертность оказала серьезное негативное влияние на ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ). Впервые за 17 лет ОПЖ снизилась по территориям СФО – на 1,52 года. Антилидерами по снижению общей продолжительности жизни в СФО стали Омская (снижение на 2 года), Новосибирская (1,93 года) и Томская области (1,68 года).

Следующий блок статистических показателей отражает экономическое развитие регионов СФО (табл. 2). В 2020 г. по причине снижения глобального спроса на углеводороды самый сильный промышленный спад был зафиксирован в экспортно ориентированных регионах. Снижение внешнего спроса на добываемое сырье (нефть, газ, уголь, лес), карантин для ряда предприятий в первую волну пандемии стали причиной серьезного сокращения промышленного производства в Красноярском крае (добывающая и обрабатывающая отрасли экономики), в Томской и

Кемеровской областях (добыча полезных ископаемых), в Республике Тыва (снижение добычи угля).

После первой волны пандемии восстановительный рост шел быстрее в обрабатывающих отраслях промышленности. По итогам 2020 г. объем выпуска по обрабатывающим производствам превысил соответствующие показатели 2019 г. в Томской и Иркутской областях, в Республике Алтай. Рост был активным в фармацевтической, пищевой промышленности, а также в машиностроении. Наиболее значимое отставание по обрабатывающей промышленности зафиксировано в Красноярском крае (сокращение производства алюминия), Тыве и Кемеровской области.

Пандемия оказала серьезное негативное влияние на объем платных услуг населению. Региональный диапазон различий в уровне снижения составил 2,1–14,5%. Минимальное сокращение зафиксировано в республике Алтай (–2,1%), которая улучшила соответствующий показатель за счет возросшего притока туристов из-за ограничений по выезду за границу.

Среди территорий СФО самый сильный спад платных услуг зафиксирован в Иркутской области. В наибольшей степени пострадали предприятия, оказывающие населению транспортные, бытовые, туристические, спортивные, развлекательные услуги.

Сокращение платежеспособного спроса граждан повлияло и на снижение оборота розничной торговли. В СФО самые высокие темпы сокращения розничной торговли зафиксированы в Алтайском крае (–8%), Красноярском крае (–6%), Республике Тыва (–6,9%).

На кризисный спад занятости повлиял рост неполной занятости, уровня общей и зарегистрированной безработицы. Динамика роста режима неполной занятости (режим неполного рабочего времени по соглашению работодателя и работника), уровня занятости, уровня общей и зарегистрированной безработицы представлена в *табл. 3*.

В 2020 г. в СФО темпы роста неполной занятости составили почти 16% к уровню 2019 г. Неполная занятость увеличивалась интенсивнее в Хакасии, в Кемеровской и Томской областях, в Красноярском и Алтайском краях. Режим неполного рабочего времени чаще использовался в организациях, занятых оказанием услуг в сфере оптовой и розничной торговли, транспортных услуг и услуг по хранению.

В среднем по СФО уровень безработицы, измеренный по методологии Международной организации труда, вырос почти на 24%. Значительно

увеличился уровень общей безработицы во многих индустриальных регионах СФО: в Томской, Омской и Кемеровской областях, в Красноярском крае. Вторая зона роста уровня безработицы – это национальные республики Тыва и Горный Алтай, которые давно имеют высокий уровень общей безработицы.

Рост числа зарегистрированных безработных был повсеместным и очень быстрым. На протяжении последних 20 лет зарегистрированная безработица в среднем в России составляла около 1%, в СФО – 1,3%. В 2020 г. в большинстве сибирских регионов официальная безработица выросла в 4–5 раз. Во многом это было обусловлено институциональными факторами. Федеральные власти весной 2020 г. увеличили размер пособий по безработице до прожиточного минимума и упростили процедуру регистрации в службах занятости. Однако эти меры были временными. С октября 2020 г. правила регистрации ужесточились, выплаты на детей отменили, поэтому численность зарегистрированных безработных стала сокращаться [18].

Спад в промышленности, в секторе рыночных услуг и розничной торговле, сокращение уровня занятости, рост неполной занятости и безработицы оказали негативное влияние на динамику денежных доходов населения. В 2020 г. в среднем по России реальные доходы населения снизились на 2,6%. Среди территорий СФО более негативная динамика реальных доходов – в Алтайском крае (–4,5%), в Кемеровской (–3,1%), Омской (–3%) и Томской (–2,5%) областях (табл. 4).

Доходы населения национальных республик несколько выросли к уровню 2019 г. (Алтай, Тыва) или остались почти без изменений (Хакасия) за счет мер финансовой поддержки, оказанной федеральными властями семьям с детьми. В республиках Алтай и Тыва доля детей в общей численности населения региона одна из самых высоких и равна, соответственно, 28% и 34%. В среднем по России аналогичный показатель составил около 19%.

Почти на всех территориях СФО (за исключением Тывы) среднедушевые денежные доходы (СДД) населения, скорректированные на величину регионального прожиточного минимума, показали отрицательную динамику в 2020 г. по сравнению с 2019 г. Наиболее серьезно снизились реальные денежные доходы в Алтайском крае, в Кемеровской и Омской областях.

Несмотря на снижение реальных денежных доходов населения, масштабы абсолютной бедности почти во всех регионах СФО (за исключением Тывы) несколько сократились. В 2020 г. на позитивную динамику уровня бедности,

очевидно, повлияли следующие меры социальной поддержки семьям с детьми:

- ежемесячные выплаты на детей в возрасте от 3 до 7 лет включительно, которые проживают в домохозяйствах с доходами ниже величины регионального прожиточного минимума;
- единовременные выплаты в размере 10 тыс. руб. и 5 тыс. руб.⁹.

Региональные различия в уровне бедности обусловлены многими факторами: демографическими, поселенческими, социально-экономическими [19]. На основе корреляционно-регрессионного анализа были определены факторы, «работающие» на рост и сокращение уровня абсолютной бедности в регионах.

Уровень абсолютной бедности тесно связан с фактором «нагрузка детьми» – коэффициент корреляции составил 0,884 (2020 г.) и 0,898¹⁰ (2020 г.), то есть увеличение доли детей в общей численности населения региона способствует росту масштабов бедности. В 2020 г. по данным Росстата уровень абсолютной бедности по всему населению составил 12,1%. Доля детей, проживающих в малоимущих домохозяйствах, равна 20%. В июне–декабре 2020 г. основными получателями социальных выплат стали семьи с детьми. Очевидно, эти меры помогли несколько снизить уровень абсолютной бедности в сибирских регионах.

Следующие два фактора, которые положительно коррелируют с масштабами абсолютной бедности, – это «уровень общей безработицы» (коэффициент Спирмена в 2020 г. – 0,733, в 2019 г. – 0,764) и «проживание в сельской местности» (коэффициент корреляции в 2020 г. – 0,659, в 2019 г. – 0,667). Фактор бедности «уровень общей безработицы» традиционно актуален для республик Тывы и Алтай. Но в 2020 г. численность безработных существенно увеличилась в промышленных регионах: в Томской и Омской областях, в Республика Хакасия, в Красноярском крае.

Значимый фактор, способствующий снижению численности малоимущих, – это уровень доходов, скорректированный на региональный прожиточный минимум. Взаимосвязь между данными переменными отрицательная и

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.04.2020 № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45416>; Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 317 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45515>

¹⁰ Здесь и далее приведены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена на уровне значимости 0,01 или 0,05.

составила $-0,93$ в 2020 г. и $-0,937$ в 2019 г. Сокращению абсолютной бедности также способствуют высокий уровень урбанизации (отрицательная корреляция $0,732$) и достаточно высокие показатели занятости в регионе (отрицательная связь $0,68$).

Для выявления причинно-следственной связи между уровнем бедности и факторами влияния («нагрузка детьми», «среднедушевой доход», «уровень занятости», «доля сельских жителей в численности региона») были рассчитаны уравнения парной линейной регрессии. Независимыми переменными являлись факторы влияния. Зависимой переменной был уровень абсолютной бедности. Для оценки значимости уравнений регрессии были рассчитаны коэффициенты детерминации.

В используемой нами модели соответствующий коэффициент равен $0,92$, что является оптимальным значением для оценки качества используемого уравнения. Рост доли детей в численности населения региона является наиболее значимым фактором бедности (Sig. $0,001$). Среднедушевой доход, скорректированный на прожиточный минимум, – это самый важный фактор (Sig. $0,035$), способствующий снижению масштабов бедности. Между этими двумя переменными не линейная, но сильная связь. Сочетание двух факторов – среднедушевой доход, скорректированный на прожиточный минимум, и достаточно высокий уровень занятости – способствует сокращению численности малоимущих.

Завершая анализ, выделим регионы СФО, которые в демографическом, социально-экономическом плане наиболее пострадали под влиянием пандемии (табл. 5). Демографическая динамика более негативная в регионах с высокой долей граждан старших возрастов, а также в крупных региональных центрах с высокой концентрацией и мобильностью населения. Спад добывающей промышленности был сильнее на территориях добычи нефти, газа, угля по причине снижения внешнего спроса. Сокращение объема производства в обрабатывающей промышленности было актуально для металлургического производства до осени 2020 г.

Режим неполной занятости активнее использовался в некоторых промышленных регионах, специализирующихся на добыче нефти и угля. Повышение уровня безработицы было более интенсивным в национальных республиках Сибири. Федеральные выплаты семьям с детьми несколько снизили масштабы абсолютной бедности почти во всех сибирских регионах, кроме Республики Тыва.

Выводы

Для реализации адекватной социально-экономической политики важна корректная оценка последствий пандемии с учетом особенностей конкретных регионов. Под влиянием коронакризиса проявились основные тенденции, связанные с ухудшением динамики демографического, социально-экономического развития, уровня доходов населения в целом в России и в регионах Сибирского федерального округа в частности.

За 2020 г. коэффициент смертности вырос в СФО до 15 умерших на 1 000 чел. против 12,9 на 1 000 чел. В 2019 г. Избыточная смертность за апрель–декабрь 2020 г. составила +23,1% к аналогичному периоду 2019 г. Естественная убыль населения ускорилась и достигла 86,3 тыс. чел. в 2020 г. против 43,2 тыс. в 2019 г.

Более высокие показатели демографической убыли на 1 000 чел. зафиксированы в регионах Сибири с высокой долей граждан старших возрастов в возрастной структуре (Алтайский край, Кемеровская, Омская и Новосибирская области). Впервые за 17 лет ожидаемая продолжительность жизни на территориях СФО снизилась на 1,52 года.

В 2020 г. сократился глобальный спрос на углеводороды. Это обусловило спад добывающей промышленности в индустриально развитых регионах Сибири, специализирующихся на добыче нефти, газа, угля.

Потребление платных услуг наиболее интенсивно сократилось в Иркутской, Новосибирской и Омской областях. Основные причины снижения объема платных услуг и оборота розничной торговли – это ограничительные меры в начале пандемии, затем – низкий платежеспособный спрос населения.

Спад в добывающей промышленности, повышение уровня неполной занятости, рост общей и зарегистрированной безработицы негативно повлияли на реальные доходы населения. Реальные денежные доходы наиболее существенно снизились в Алтайском крае, в Кемеровской, Омской и Томской областях.

Однако на фоне сокращения реальных доходов населения уровень абсолютной бедности стал несколько ниже. Росстат объяснил снижение численности малоимущих оказанием федеральной денежной помощи семьям с детьми. Наиболее значимые факторы бедности – это «нагрузка детьми» и «общий уровень безработицы». В 2020 г. уровень общей безработицы существенно вырос в промышленно развитых регионах СФО. Факторами снижения масштабов бедности стали денежные доходы

населения, скорректированные на величину прожиточного минимума, и повышение уровня занятости.

Выход из пандемического кризиса будет связан с ростом внешнего спроса на продукцию топливно-энергетического комплекса и ряда отраслей обрабатывающей промышленности. Рост глобального спроса будет способствовать повышению реальных доходов населения.

В крупных региональных центрах Сибири восстановление объемов сервисной экономики возможно при росте доходов населения и адекватной помощи малому, среднему бизнесу. Меры поддержки территорий СФО и бизнеса со стороны федеральных, региональных властей должны учитывать названные особенности.

Таблица 1

Демографическое развитие некоторых регионов (2019–2020 гг.)

Table 1

Demographic development of some regions in 2019–2020

Регион	Естественный прирост (убыль) на 1 000 чел. населения, 2020 г.
Республика Алтай	2,1
Республика Тыва	10,8
Республика Хакасия	-3,9
Алтайский край	-7,7
Красноярский край	-4
Иркутская область	-3,5
Кемеровская область	-7,7
Новосибирская область	-5
Омская область	-6,2
Томская область	-4,1
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	-5
Российская Федерация	-4,7

Продолжение

Регион	Рост смертности за апрель–декабрь 2020 г. по сравнению с апрелем–декабрем 2019 г., %
Республика Алтай	115,9
Республика Тыва	116,7
Республика Хакасия	116,2
Алтайский край	124,1
Красноярский край	122
Иркутская область	116,3
Кемеровская область	119,9
Новосибирская область	128,5
Омская область	130,4
Томская область	127,6
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	123,1
Российская Федерация	125,4

Продолжение

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни, лет, 2019 г.
Республика Алтай	70,29
Республика Тыва	67,57
Республика Хакасия	71,05
Алтайский край	71,61
Красноярский край	71,16
Иркутская область	69,55
Кемеровская область	69,78
Новосибирская область	72,25
Омская область	72,32
Томская область	72,85
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	71,12
Российская Федерация	73,34

Продолжение

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни, лет, 2020 г.
Республика Алтай	69,15
Республика Тыва	66,25
Республика Хакасия	70,06
Алтайский край	70,19
Красноярский край	69,82
Иркутская область	68,25
Кемеровская область	68,51
Новосибирская область	70,32
Омская область	70,32
Томская область	71,17
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	69,6
Российская Федерация	71,54

Продолжение

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни в 2020 г. по отношению к аналогичному показателю в 2019 г.
Республика Алтай	-1,14
Республика Тыва	-1,32
Республика Хакасия	-0,99
Алтайский край	-1,42
Красноярский край	-1,34
Иркутская область	-1,3
Кемеровская область	-1,27
Новосибирская область	-1,93
Омская область	-2
Томская область	-1,68
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	-1,52
Российская Федерация	-1,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Демография.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Source: The Federal State Statistics Service data: Demography.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (In Russ.)

Таблица 2

Экономическое развитие некоторых регионов, 2020 г. в % к 2019 г.

Table 2

Economic development of some regions in 2020, as a percentage of 2019

Регионы	Индекс промышленного производства	Индекс производства по добыче полезных ископаемых
Республика Алтай	121,4	95,2
Республика Тыва	63,1	57,6
Республика Хакасия	103,1	104,1
Алтайский край	99,9	113,6
Красноярский край	90,6	87,4
Иркутская область	102,2	98
Кемеровская область	96	92,6
Новосибирская область	99,2	88,6
Омская область	99,3	76,4
Томская область	90,7	79,3
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	95,6	91
Российская Федерация (средний показатель)	97,4	93,1

Продолжение

Регионы	Индекс производства по обрабатывающей промышленности	Объем платных услуг населению	Оборот розничной торговли
Республика Алтай	138,3	97,9	99,4
Республика Тыва	90	88,6	93,1
Республика Хакасия	101,3	96,1	98,6
Алтайский край	100,1	92,5	92
Красноярский край	92	90,3	94
Иркутская область	112,8	85,5	98
Кемеровская область	96,3	91,5	97,8

Новосибирская область	102,1	86,8	99,8
Омская область	99,6	88	96,3
Томская область	108,6	89,3	98,5
Сибирский федеральный округ (средний показатель)	98,2	89,3	96,6
Российская Федерация (средний показатель)	100,6	85,2	96,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259>

Source: The Federal State Statistics Service data: Information for monitoring the socio-economic situation of the constituent entities of the Russian Federation
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (In Russ.)

Таблица 3

Динамика занятости и безработицы в 2019–2020 гг.

Table 3

Changes in the employment and unemployment in 2019–2020

Регион	Рост неполной занятости, 2020 г. в % к 2019 г.	Рост зарегистрированной безработицы на конец 2020 г., % к 2019 г.
Республика Алтай	100	5,5 раза
Республика Тыва	96,8	3,5 раза
Республика Хакасия	132,4	3,8 раза
Алтайский край	121,6	3 раза
Красноярский край	119,6	4,3 раза
Иркутская область	110,3	2,5 раза
Кемеровская область	127	2,5 раза
Новосибирская область	113,9	5,5 раз
Омская область	111,7	4,2 раза
Томская область	125,4	5,2 раза
Сибирский федеральный округ	115,6	–
Российская Федерация	123,5	4,1 раза

Продолжение

Регион	Уровень занятости в 2019 г., % к населению в возрасте 15–72 лет	Уровень занятости в 2020 г., % к населению в возрасте 15–72 лет
Республика Алтай	55,8	55,6
Республика Тыва	49,1	50,6
Республика Хакасия	58,3	55,4
Алтайский край	60,7	58,8
Красноярский край	65,1	63,1
Иркутская область	61,6	60,2
Кемеровская область	60,4	59,3
Новосибирская область	63,5	61,6
Омская область	64,4	63,6
Томская область	62,3	59,8
Сибирский федеральный округ	62,2	60,6
Российская Федерация	64,9	63,7

Продолжение

Регион	Уровень общей безработицы в 2019 г., % к рабочей силе	Уровень общей безработицы в 2020 г., % к рабочей силе
Республика Алтай	11	14
Республика Тыва	12,4	18
Республика Хакасия	6	8,7
Алтайский край	5,8	5,9
Красноярский край	4,5	6
Иркутская область	6,6	7,7
Кемеровская область	5,5	6,7
Новосибирская область	6,1	6,7
Омская область	6,5	8,9
Томская область	5,5	8,7
Сибирский федеральный округ	5,9	7,3
Российская Федерация	4,6	5,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>

Source: The Federal State Statistics Service data: Labor force survey results.
URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (In Russ.)

Таблица 4

Доходы населения и уровень бедности в 2019–2020 гг.

Table 4

Incomes of the population and the poverty rate in 2019–2020

Регион	Динамика реальных денежных доходов населения, 2020 г. в % к 2019 г.
Республика Алтай	102,6
Республика Тыва	103
Республика Хакасия	100,1
Алтайский край	95,5
Красноярский край	98,7
Иркутская область	98,2
Кемеровская область	96,9
Новосибирская область	98,6
Омская область	97
Томская область	97,5
Российская Федерация (средний показатель)	97,4

Продолжение

Регион	Соотношение среднедушевого дохода с региональным прожиточным минимумом в 2019 г., %
Республика Алтай	200,1
Республика Тыва	157,1
Республика Хакасия	208
Алтайский край	240,2
Красноярский край	254,2
Иркутская область	230,1
Кемеровская область	247,2
Новосибирская область	268,8
Омская область	272,4
Томская область	247,5
Российская Федерация (средний показатель)	323,7

Продолжение

Регион	Соотношение среднедушевого дохода с региональным прожиточным минимумом в 2020 г., %
Республика Алтай	199,7
Республика Тыва	159,7
Республика Хакасия	202,3
Алтайский край	232,1
Красноярский край	248,7
Иркутская область	223,2
Кемеровская область	239,2
Новосибирская область	261,9
Омская область	264
Томская область	240,7
Российская Федерация (средний показатель)	315,4

Продолжение

Регион	Уровень бедности в 2019 г., %	Уровень бедности в 2020 г., %
Республика Алтай	24,3	23,8
Республика Тыва	34,1	34,1
Республика Хакасия	19	18,5
Алтайский край	17,6	17,5
Красноярский край	17,3	17
Иркутская область	17,9	17,6
Кемеровская область	13,6	13,2
Новосибирская область	13,9	13,8
Омская область	13,9	13,6
Томская область	14,8	14,4
Российская Федерация (средний показатель)	12,3	12,1

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

Source: The Federal State Statistics Service data: Inequality and poverty.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (In Russ.)

Таблица 5**Сибирский федеральный округ: динамика социально-экономического развития по сравнению со среднероссийскими показателями (2019–2020 гг.)****Table 5****The Siberian Federal District: Changes in the socio-economic development as compared to the average Russian indicators for 2019–2020**

Показатели социально-экономического развития	Среднее значение по Российской Федерации, 2020 г.
Естественная убыль населения на 1 000 чел. населения за январь–декабрь 2020 г.	–4,7
Избыточная смертность в апреле–декабре 2020 г. по сравнению с апрелем–декабрем 2019 г., %	+25,4
Индекс производства по добыче полезных ископаемых, в % к 2019 г.	93,1
Индекс производства по обрабатывающей промышленности, в % к 2019 г.	100,6
Объем платных услуг населению, в % к 2019 г.	85,2
Режим неполного рабочего времени по соглашению между работодателем и работником, в % к 2019 г.	+23,5
Уровень общей безработицы в 2020 г., %	5,8
Динамика реальных денежных доходов населения, в % к 2019 г.	97,4
Снижение уровня абсолютной бедности по сравнению с 2019 г.	–0,2

Продолжение

Показатели социально-экономического развития	Регионы Сибирского федерального округа, в которых соответствующие тенденции проявились наиболее негативно
Естественная убыль населения на 1 000 чел. населения за январь–декабрь 2020 г.	Алтайский край, Кемеровская, Омская, Новосибирская области
Избыточная смертность в апреле–декабре 2020 г. по сравнению с апрелем–декабрем 2019 г., %	Омская, Новосибирская, Томская области
Индекс производства по добыче полезных ископаемых, в % к 2019 г.	Красноярский край, Томская, Омская, Кемеровская и Новосибирская области
Индекс производства по обрабатывающей промышленности, в % к 2019 г.	Красноярский край, Кемеровская область, Республика Тыва
Объем платных услуг населению, в % к 2019 г.	Иркутская, Новосибирская, Омская области
Режим неполного рабочего времени по соглашению между работодателем и работником, в % к 2019 г.	Республика Хакасия, Кемеровская, Томская области
Уровень общей безработицы в 2020 г., %	Во всех регионах уровень общей безработицы выше, чем в среднем по Российской Федерации
Динамика реальных денежных доходов населения, в % к 2019 г.	Алтайский край, Омская, Томская области
Снижение уровня абсолютной бедности по сравнению с 2019 г.	Во всех регионах (кроме Республики Тыва) уровень бедности снизился по сравнению с 2019 г.

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Список литературы

1. *Шеремет А.Н.* Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136–141.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer>
2. *Белоусов Д.Р.* О развитии кризиса российской экономики в 2008–2009 гг. // Проблемы прогнозирования. 2010. № 1. С. 21–39.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-razvitii-krizisa-rossiyskoj-ekonomiki-v-2008-2009-gg/viewer>
3. *Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В.* Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 4. С. 73–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-regionov-i-demograficheskie-itogi-2019-g-po-rezultatam-regulyarnogo-monitoringa-insap-ranhigs/viewer>
4. *Колодко Г.В.* Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25–44.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>
5. *Грибанич В.М.* Влияние коронавируса на российскую и мировую экономику // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 1. С. 19–26.
URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-1-19-26>
6. *Некрасова С.В.* Проблема роста безработицы в мире в условиях пандемии COVID-19 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 4А. С. 406–412. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2020-4/46-nekrasova.pdf>
7. *Денисенко М.Б., Мукомель В.И.* Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>
8. *Каминский В.С., Уханова Ю.В.* Материальное положение населения Вологодской области в условиях распространения коронавирусной инфекции // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 4. URL: <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.4.54.3>

9. *Алексеев А.В.* Коронавирус как антидот глобализации // ЭКО. 2020. Т. 50. № 5. С. 144–155.
URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-144-155>
10. *Kovács S.Z., Koós B., Uzzoli A. et al.* Regional Effects of the COVID-19 Pandemic and Policy Responses in Hungary. *R-Economy*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 208–221. URL: <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.018>
11. *Хасанова Р.Р., Зубаревич Н.В.* Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 77–87.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdmost-smertnost-naseleniya-i-polozhenie-regionov-v-nachale-vtoroy-volny-pandemii/viewer>
12. *Максимова Е.В., Рябцев А.Г., Сазонова О.А.* Влияние коронавируса на экономику России // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 283–286.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-koronavirusa-na-ekonomiku-rossii/viewer>
13. *Kolomak E.* Economic Effects of Pandemic-Related Restrictions in Russia and their Spatial Heterogeneity. *R-Economy*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 154–161.
URL: <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>
14. *Щетинина И.В.* Государственные ограничительные меры в условиях пандемии и их социально-экономические последствия // ЭКО. 2020. Т. 50. № 5. С. 156–174.
URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-156-174>
15. *Зубаревич Н.В.* Пандемия и регионы: итоги января–августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 11. С. 91–95.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-i-regiony-itogi-yanvarya-avgusta-2020-g/viewer>
16. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 4–17.
URL: http://old.smolgu.ru/files/doc/nauka/RI/vipusk_2_2020/2020_2_68_1.pdf
17. *Leon D.A., Shkolnikov V.M., Smeeth L. et al.* COVID-19: A Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*, 2020, vol. 395, iss. 10234. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8)

18. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-na-sotsialnoekonomicheskoe-razvitie-i-byudzhety-regionov/viewer>
19. Пастухова Е.Я., Морозова Е.А., Егорова Н.М. Факторы межрегиональной дифференциации уровня бедности: абсолютный и депривационный подходы // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. Вып. 3. С. 500–520. URL: <https://doi.org/10.24891/re.19.3.500>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Sustainable Development of Regions

THE COVID-19 PANDEMIC IMPACT ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND POPULATION POVERTY: EVIDENCE FROM RUSSIA'S REGIONS

Elena Ya. PASTUKHOVA

Kemerovo State University (KemSU),
Kemerovo, Russian Federation
peau.13@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5518-1783>

Article history:

Article No. 612/2021
Received 4 Nov 2021
Received in revised
form 23 Dec 2021
Accepted 3 Feb 2022
Available online
15 March 2022

JEL classification:

J11, R11

Keywords: excess
mortality, extractive
industry,
unemployment rate,
real income of
population, poverty
rate

Abstract

Subject. This article discusses the issues of demographic and socio-economic development of the regions of Russia during the COVID-19 pandemic.

Objectives. The article aims to analyze the COVID-19 pandemic impact on demographic, socio-economic development, and the poverty rate in the Siberian Federal District regions. It also aims to compare economic and demographic indicators for 2020 with similar ones for 2019.

Methods. For the study, we used correlation and regression analyses, synthesis, and comparison.

Results. The article describes the negative changes in the demographic development of the Siberian Federal District regions, and it associates the changes with natural population decline intensification and a considerable increase in mortality. The article argues that the high proportion of children in the region's population and unemployment are significant factors of poverty.

Conclusions. Surmounting the pandemic crisis is associated with an increase in external demand for hydrocarbons and products of the petrochemical, chemical and metallurgical industries. The rehabilitation of the service economy is possible due to the growth of incomes of the population and appropriate assistance to small and medium-sized businesses from the federal and regional authorities.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Pastukhova E.Ya. The COVID-19 Pandemic Impact on Socio-Economic Development and Population Poverty: Evidence from Russia's Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2022, vol. 20, iss. 3, pp. 467–492.
<https://doi.org/10.24891/re.20.3.467>

Acknowledgments

The article was supported by the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research.

References

1. Sheremet A.N. [Pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* = *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2020, no. 4, pp. 136–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-neravenstva-sotsialno-ekonomicheskie-aspekty-i-posledstviya-covid-19/viewer> (In Russ.)
2. Belousov D.R. [On the development of the crisis of the Russian economy in 2008–2009]. *Problemy prognozirovaniya* = *Studies on Russian Economic Development*, 2010, no. 1, pp. 21–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-razvitii-krizisa-rossiyskoy-ekonomiki-v-2008-2009-gg/viewer> (In Russ.)
3. Zubarevich N.V., Makarentseva A.O., Mkrtchyan N.V. [Socio-economic situation in Russian regions and demographic results of 2019]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* = *Russian Economic Development*, 2020, vol. 27, no. 4, pp. 73–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-regionov-i-demograficheskie-itogi-2019-g-po-rezultatam-regulyarnogo-monitoringa-insap-ranhigs/viewer> (In Russ.)
4. Kolodko G.W. [After. Economics and politics of the post-pandemic world]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, no. 5, pp. 25–44. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-5-25-44>
5. Gribanich V.M. [The impact of the coronavirus on the Russian and global economy]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* = *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, 2020, no. 1, pp. 19–26. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-1-19-26>
6. Nekrasova S.V. [The problem of growing unemployment in the world in the context of the COVID-19 pandemic]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* = *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2020, vol. 10, no. 4A, pp. 406–412. (In Russ.)
7. Denisenko M.B., Mukomel' V.I. [Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic]. *Demograficheskoe obozrenie*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 84–107. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>
8. Kaminskii V.S., Ukhanova Yu.V. [Financial situation of the Vologda oblast population in the context of the spread of coronavirus infection]. *Voprosy*

- territorial'nogo razvitiya*, 2020, vol. 8, iss. 4. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.4.54.3>
9. Alekseev A.V. [Coronavirus as the antidote for globalization]. *EKO = ECO*, 2020, vol. 50, no. 5, pp. 144–155. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-144-155>
10. Kovács S.Z., Koós B., Uzzoli A. et al. Regional Effects of the COVID-19 Pandemic and Policy Responses in Hungary. *R-Economy*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 208–221. URL: <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.018>
11. Khasanova R.R., Zubarevich N.V. [Birth rate, mortality and situation of regions at the onset of the second wave of pandemic]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Development*, 2021, vol. 28, no. 1, pp. 77–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdaemost-smernost-naseleniya-i-polozhenie-regionov-v-nachale-vtoroy-volny-pandemii/viewer> (In Russ.)
12. Maksimova E.V., Ryabtsev A.G., Sazonova O.A. [Influence of coronavirus on economy of Russia]. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*, 2020, no. 4, pp. 283–286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-koronavirusa-na-ekonomiku-rossii/viewer> (In Russ.)
13. Kolomak E. Economic Effects of Pandemic-Related Restrictions in Russia and their Spatial Heterogeneity. *R-Economy*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 154–161. URL: <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>
14. Shchetinina I.V. [Public restrictions during pandemic and their socio-economic consequences]. *EKO = ECO*, 2020, vol. 50, no. 5, pp. 156–174. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-5-156-174>
15. Zubarevich N.V. [Pandemic and regions: January-August 2020 results]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Development*, 2020, vol. 27, no. 11, pp. 91–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-i-regiony-itogi-yanvarya-avgusta-2020-g/viewer> (In Russ.)
16. Zubarevich N.V., Safronov S.G. [Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s]. *Regional'nye issledovaniya = Regional Studies*, 2020, no. 2, pp. 4–17. URL: http://old.smolgu.ru/files/doc/nauka/RI/vipusk_2_2020/2020_2_68_1.pdf (In Russ.)

17. Leon D.A., Shkolnikov V.M., Smeeth L. et al. COVID-19: A Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*, 2020, vol. 395, iss. 10234. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8)
18. Zubarevich N.V. [Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Theoretical Economics*, 2021, no. 1, pp. 48–60.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-na-sotsialnoekonomicheskoe-razvitie-i-byudzhety-regionov/viewer> (In Russ.)
19. Pastukhova E.Ya., Morozova E.A., Egorova N.M. [Factors of interregional poverty differentiation: Absolute and deprivation approaches]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2021, vol. 19, iss. 3, pp. 500–520. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/re.19.3.500>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.